

ми, нравственно и духовно чистыми людьми. Можно принять это как завещание Меньшикова своим потомкам, ведь русская литература всегда была образцом для подражания последующим поколениям писателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Антон Чехов и критик Михаил Меньшиков: Переписка. Дневники. Воспоминания. Статьи. / Сост., статьи, подгот. текстов, примеч. А.С. Мелковой. – М., 2005. – 480 с.
2. Сохряков Ю.И. Работа совести (Национальная идея в публицистике М.О. Меньшикова) // Сохряков Ю.И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX-начала XX века. – М., 2000. – С. 170-171.
3. Кулешов В.И. Антон Павлович Чехов (1860-1904) // Кулешов В.И. История русской литературы XIX века. Учебное пособие для вузов. – М., 2004. – С. 749.
4. Антон Чехов и критик Михаил Меньшиков: Переписка. Дневники. Воспоминания. Статьи. – М., 2005. – С. 88. Далее по тексту в круглых скобках указаны страницы по этому изданию.
5. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 тт. Письма: В 12 тт. Т. 8. – М., 1975. – С. 335.
6. О.Т.В. Из литературных наблюдений / Русская мысль, 1892, № 4. – С.46-51.
7. Протопопов М.А. Письма о литературе. Письмо четвертое / Русская мысль, 1892, кн. 10. – С. 165.
8. Там же. – С. 177.
9. Сохряков Ю.И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX-начала XX века. – М., 2000. – С. 179.
10. Александров Б.И. Семинарий по Чехову. – М., 1957. – С. 46.

A. Novikova

M. MENSHIKOV'S ATTITUDE TO LITERATURE AND WRITERS OF 1890s (FROM CRITIC'S LEGACY)

Abstract: In Novikovoij A.A.'s clause "about the literature and writers 1890th years (from a heritage of the critic)" are considered by M.O. Menshikov sights of the publicist, the thinker and the literary critic at development of the Russian literature of last third XIX of century. Its attitude to "the new, young literature" 80-90th years, to some Russian writers, in particular, A.P. Chekhov comes to light.

Key words: literary critic, publicist, correspondence, journalist.

УДК 82(091)

Рамазанова Г.Г.

«ЗВОНК ЛИ ЧУГУН НА АУСТЕРЛИЦКОМ МОСТУ»? (ИЗ ИСТОРИИ ПОЛЕМИКИ «МОСКОВСКОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ»)*

Аннотация: В статье говорится о малоизученном журнале XIX века, который вел оживленную полемику с ведущими периодическими изданиями своего времени. Одним из главных оппонентов «Московского Наблюдателя» был В.Белинский. Его малоизвестная статья в газете «Молва» – яркий пример полемики, иллюстрирующий его принципиальные разногласия с позицией журнала.

Ключевые слова: журнал, полемика, редактор, критики.

«Московский Наблюдатель» – достаточно интересный «энциклопедический» журнал, который просуществовал около четырех лет: с 1835 по 1839 годы, и уже в конце девятнадцатого века стал библиографической редкостью. Официальным редактором его был В. Андросов [1], но литературную и критическую политику определял С. Шевырев, вид-

ный ученый-филолог, профессор Московского университета. Полемика периодических изданий играла важную роль в общественной жизни того времени и привлекала большой интерес читательской аудитории. Статьи, опубликованные в «Наблюдателе», часто вызывали отклики ведущих критиков того времени, в частности Н. Надеждина, О. Сенковского, В. Белинского и других. Особенно активно выступал против «наблюдателей» Белинский. Интересен тот факт, что с 1838 года Белинский, который неистово критиковал журнал, сам стал неофициальным редактором «Московского Наблюдателя».

Статья В.Г. Белинского, опубликованная в «Телескопе», «О критике и литературных мнениях «Московского Наблюдателя» [2] начала полемический диалог, который продолжался все время, пока редактором издания был В. Андросов. Как и заявлено в заглавии, предметом рассмотрения стали все

* © Рамазанова Г.Г.

критические разборы журнала, а также «программные» статьи его неофициального редактора. Надо заметить, что в этой статье Белинский демонстрирует достаточно уважительное отношение к своему оппоненту. Он говорит о нем: «Г. Шевырев есть исключительный и привилегированный критик «Московского Наблюдателя»: его статьи составляют лучшее украшение и дают некоторую жизнь и движение этому журналу, который так беден жизнью и движением. ... Г. Шевырев литератор деятельный, добросовестный, оригинальный во мнениях и слоге, литератор с дарованием и авторитетом: тем большего внимания заслуживают его критические мнения...» [2: 126]. Эта лестная оценка не помешала Белинскому достаточно иронично определить эстетическую «концепцию» «Московского Наблюдателя», которую он сформулировал, проанализировав критические и научные взгляды С. Шевырева, проявившиеся в публикациях журнала за два года: «Слава Богу! наконец-то я добрался до идеи «Наблюдателя»! Он хлопочет не о распространении современных понятий об изящном; теория изящного не входит в него, искусство у него в стороне; он старается о распространении светскости в литературе, о введении литературного приличия, литературного общежития, он хочет, во что бы то ни стало, одеть нашу литературу в модный фрак и белые перчатки, ввести ее в гостиную и подчинить зависимости от дам; цель истинно похвальная: кто не поревнует ей!» [2: 384].

В этой же статье Белинский говорит об эстетическом кредо других периодических изданий своего времени: «Хорошо-ли, дурно-ли – (не смею и не имею права судить об этом) – «Телескоп» и «Молва» хлопочут об искусстве и литературе в чисто литературном смысле, без посторонних целей. «Московский Наблюдатель» проповедует светскость и элегантность в литературе, смотрит на искусство и литературу с светской точки зрения. «Библиотека для Чтения» развивает ту мысль, что умозрительные знания и все, проникнутое идеею, не только бесполезно, но и вредно, что немецкая философия – бред, что только положительные, фактические знания еще годятся на что-нибудь, что ничему не должно учиться, что для того, чтобы все знать, довольно выписывать «Библиотеку для Чтения» и «Энциклопедический словарь». «Северная Пчела» и «Сын Отечества» одни чужды всякой мысли и даже всякого смысла; но у них есть цель, определенная и постоянная, это – подписчики...» [2: 384-385]. Таким образом, становится ясно, что абсолютно все издания

не выдерживают никакого сравнения с «Телескопом» и «Молвой», где, как известно, активно сотрудничал Белинский, «хлопотал об искусстве и литературе в чисто литературном смысле», всем другим периодическим изданиям это не удавалось. Эта статья Белинского стала программной по отношению к «Московскому Наблюдателю», все его дальнейшие выступления против журнала так или иначе варьируют идеи, высказанные в этой работе.

Следующим поводом для полемики стал, казалось бы, совсем ничтожный эпизод. В одном из номеров «Московского Наблюдателя» за 1836 год, в отделе «Смесь» была опубликована небольшая статейка «Издатель Телескопа на Аустерлицком мосту» [3]. Предыстория вопроса такова: в одной из статей «Наблюдателя», а именно в критике на Аскольдову могилу, сказано было «звонок чугуна на Аустерлицком мосту». «Телескоп» в ответ на это обрушился на «Наблюдателя» с критикой, о чем и сообщается в редакционной статье «Наблюдателя»: «По случаю Аустерлицкого моста и какой-то мысли, высказанной в упомянутой статье, он сделал в своем журнале убийственную выноску. Выписываем слово в слово: «...говорит о целом классе народа, буд-то он за углом поглаживает свою бороду и за углом рад похвастать своими кулаками, значит также мало знает этот народ, как Аустерлицкий мост, на котором нет чугуна ни звонкого, ни глухого, который весь был и есть деревянный» (курсив авторский. – Г.Р.) [3: 309]. Стиль высказывания вполне определенно указывает, что автором критической реплики был Белинский. В ответ на этот выпад редакция «Наблюдателя» предприняла некоторые «научные изыскания», о которых отчитывается перед читателями: «Вот географический словарь, изданный в Париже в 1830 году, в нем написано так: «Мост Аустерлицкий или королевского сада, оконченный совсем в 1807 году, отличается красотою размеров и смелостью пяти чугунных арок...». Откуда же взял издатель Телескопа, что он был и есть деревянный. Нет, он не был, не есть, да и не мог быть деревянный» [3: 312]. Далее автор статьи замечает: «Ошибиться можно, но если на этой ошибке основываете вы несчастье ближнего, если хотите подавить мирного Москвича под громадою могущественных впечатлений, которыми вы освежились в Европе, так не ошибайтесь уже сами, и, воротясь к нам из-за моря, не пишите уже по-русски, на авось» [3: 312].

Ответом на эту реплику стала анонимная статья «Признаки мыслительности и

жизни в Московском Наблюдателе» [4]. Впрочем, не составляло большого труда вычислить того, кто скрывался за маской анонима – это В.Г. Белинский, имевший свой неповторимый стиль. Основные положения «антикритики» порой буквально повторяют тезисы его же статьи «О критике...». Приведу несколько из них. Белинский суров в своих оценках: «Голос общего мнения обвиняет «Московского Наблюдателя» в отсутствии мысли и жизненного движения. Это обвинение не без основания: его можно доказать и a priori: «Наблюдатель» есть журнал «светский», а всем известно, что «светскость» никогда не симпатизирует с умозрением и мыслительностью, которые для нее слишком тяжелы и вульгарны» [4: 270]. Далее он говорит о том, что содержание журнала пусто и ничтожно: «Теперь вот доказательство a posteriori: перечтите все статьи «Наблюдателя», не исключая и статей о парижских модах, этих почти исключительных представительницах деятельности его редактора, имя которого всегда под ними красуется; перечтите, говорим, все статьи, оригинальные или переработанные в его духе, и найдите в них следы не только высшего умозрения, но даже просто логической последовательности, строго выдержанной: тогда сами мы откажемся от всяких притязаний на мыслительность. О жизни нечего и говорить: безжизненность есть самая резкая черта характера всех «светских» натяжек, светских литератур и «светских» журналов; это опять доказательство a priori. Что ж касается до убеждения a posteriori, то оно производится каждую строкою «Наблюдателя», связанного из гладких, надутых фраз, точно нитки поддельного жемчугу на шее «светской», бездушной кокетки. Итак, нисколько не удивительно, что в общем мнении «мысль» и «жизнь» совсем не вяжутся с понятием «Московского Наблюдателя» [4: 270].

Как видно из приведенной цитаты, основные положения статьи буквально повторяют мысли предыдущей работы критика. Колкое замечание, адресованное редактору – В. Андросову, представляется совершенно несправедливым. Действительно, заметки о парижской моде заключали каждую книжку «Наблюдателя», а в самом конце всего журнала стояла подпись редактора, но из этого вряд ли следует, что о моде писал сам Андросов. А упреки в «светскости», которая для Белинского была синонимом безжизненности, стали общим местом во всех статьях критика, посвященных «Наблюдателю».

Образно Белинский изображает жур-

нал в виде светского щеголя, кружащегося в бальной зале, при этом не скупится на иронические детали, подчеркивающие его неприязнь: «С последних книжек этого щегольского, ловкого, любезного журнала, разодетого в прах, раздушенного донельзя, журнала в башмаках и белых перчатках, с прическою a la Titus, с рукавами a l' imbecille, журнала, который во всех поступках сохраняет грациозную прелесть французской кадрили, все движения размеряет стройным тактом красивого менуэта, у которого все понятия кружатся вихрем вальса или скачут галопом, заключения образуются не по логическим фигурам силлогизмов, а по фигурам котильона – одним словом, журнала «светского» во всех отношениях – с последних книжек его обнаружили нешуточные признаки жизненного и мыслительного движения» [4: 271]. По сути дела эта, пронизанная иронией, зарисовка является развитием образа, уже созданного Белинским. Напомню эту фразу: «... он [«Московский Наблюдатель». – Г.Р.] хочет, во что бы то ни стало, одеть нашу литературу в модный фрак и белые перчатки, ввести ее в гостиную и подчинить зависимости от дам...».

Ирония – главный прием, на котором строятся многие критические статьи Белинского против его литературных врагов. «Московский Наблюдатель» вызывал у Белинского не просто раздражение, а, как становится ясно по тону его публикаций, глубокую неприязнь, которую он пытался замаскировать под насмешливую улыбку, но она зачастую превращалась в злобную гримасу. Журнал для него был не просто оппонентом, с которым можно слегка перебраниться, а настоящим врагом, которого нужно было уничтожать иронией и презрением. В чем же видит признаки «мыслительной деятельности» журнала Белинский? Он говорит о том, что: «Жизнь «Московского Наблюдателя» обнаружилась в упорной борьбе за честь и славу так называемой «Истории Поэзии» г. Шевырева; но тут еще нет мыслительного движения; тут, напротив, царствует горячее ожесточение против мысли. Образец мыслительности, самой напряженной, мыслительности из всех сил, представляет замечательная статья об «Аустерлицком Мосте» [4: 271]. Этот абзац аккумулирует негативное отношение критика как к самому Шевыреву, так и к его научному детищу. Достоинство ученого труда определено коротко, но предельно ясно. Что говорить о «так называемой Истории Поэзии», она того попросту не стоит. Унизить

автора должно было и то, что ничтожную стайку о чугуна на Аустерлицком мосту ставят на одну доску с фундаментальным трудом, главное основание соотнесения публикаций – «наличие в них обеих мыслительной деятельности». В рамках заданного стиля Белинский продолжает рассказ о полемике, развернувшейся по поводу чугуна на мосту: «Рассуждение об «Аустерлицком Мосте» есть род «светской» дуэли, шпажной игры до первой крови за оскорбление щекотливого чувства чести. Где-то, когда-то, «Наблюдатель» любовался «звоном чугуна» на означенном мосте «под казачьими конями»; ему мимоходом заметили в «Телескопе» (вероятно, сам Белинский. – Г.Р.), что чугун этот не мог звенеть, потому что «Аустерлицкий мост деревянный». Кровь бросилась в лицо благородному *инкряблю* нашей литературы: он закипел гневом, нахмурил брови, и потребовал объяснения у издателя «Телескопа», назначив ему rendez-vous на самом месте обиды, на роковом Аустерлицком мосту» [4: 272].

Образ светского щеголя избран Белинским намеренно, так проще донести до читателя свою излюбленную мысль о ничтожности «умственных способностей» оппонента: «И вот «Наблюдатель», как настоящий кавалер XVIII века, чтобы соблюсти равенство в бое, решился снизить до того оружия, которым одним только умеет владеть его противник, до плебейского оружия *мыслительности*. Он облекся в тяжелые доспехи учености, набил колчан свой цитатами, вооружился дебелим копьем логического вывода, и явился на Аустерлицком мосту настоящим рыцарем. Конечно, это тяжелое вооружение не скрыло его природной физиономии; он остался все тот же: те же манеры, та же изысканность, даже в этом, совсем не бальном костюме; те же духи и та же прическа; так что этот грозный турнир скорей можно счесть маскарадной шуткой» [4: 272 – 273]. Далее в том же тоне опровергается аргументация противника: «Он доказывает, что Аустерлицкий мост не мог быть иначе, как чугунным; потому что построен-де Наполеоном в память одной из блистательнейших его побед. Замашка чисто философская!.. Потом уже сходит он в область опыта и стреляет выписками из книг, которые самым ясным и убедительным образом подтверждают, что Аустерлицкий мост лежит на пяти чугунных арках... Затем, *по довольном штурмовании* на поприще умозрения и фактов, он трубит победу и, уже подобно Гомеровскому герою, довершает свое торжество злобными насмешками над уни-

тоженным врагом...» [4: 273]. С мнимым смирением критик «принимает» аргументацию оппонента, но только для того, чтобы с еще большим негодованием вновь обрушиться на него. Белинского, вероятно, очень заделало то, что его могли счесть некомпетентным в каких-то вопросах, он воспринимал это болезненно. Раздражение скрыто иронией, откровенным ерничанием: «Мы, люди простые, люди сговорчивые, люди, покорные истине, от кого бы ее ни услышали. «Наблюдатель» уверил нас, что Аустерлицкий мост лежит на чугунных арках; и мы совершенно с ним согласны; мы повторяем: «да! этот мост лежит на чугунных арках!» Честь и слава его исследованиям! Они рассеяли густой мрак неведения, в котором мы, и, вероятно, большая часть наших соотечественников, погружены были на счет этого важного пункта современной истории, географии и статистики... Конечно, этим все еще не уничтожается сомнение в том, каким образом чугун этого моста мог звенеть под казачьими копытами; ведь кони-то скакали не по самим аркам, а по настилке, которая лежит на этих арках, а настилка эта, право, НЕ БЫЛА И НЕ ЕСТЬ ЧУГУННАЯ!» [4: 274] (выделено Белинским. – Г.Р.).

Сколько торжества в этой фразе! Понятно, что повод для дискуссии ничтожен, но он позволяет, в который уже раз, «подцепить» противника, уличить его в чванстве и высокомерии. Белинский такого шанса не упускает. Он доводит ситуацию до абсурда, хваля соперника за его «блистательную победу» в столь «серьезном» споре. Чувствуется, что критиком была проведена кропотливая работа по изысканию сведений о злополучном мосте. Вряд ли автор реплики в «Наблюдателе» мог представить, какая буря разразится из-за его замечания. Белинский приводит все новые факты, которые, впрочем, не имеют отношения к предмету спора: «Аустерлицкий мост не есть трофей, воздвигнутый Наполеоном для увековечивания его блистательной победы. Сколько мы знаем, он построен одной компанией, который стоил до трех миллионов франков, и которая за то поныне собирает плату со всякого проходящего и проезжающего по этому мосту. Имя «Аустерлицкого» дано ему не Наполеоном, а строителями, которые чрез то хотели польстить императору. Это, конечно, доказывает, что «Наблюдатель» не умеет справиться с новым оружием, которое ему не под силу; но, повторяем, все это вещи посторонние. «Наблюдатель» *мыслит*; вот что доказать надлежало!» [4: 275]. В этой же статье

критик попутно касается статьи г. Лихонина «Вельтман и его Сочинения», которую Белинский определяет как «эстетико-критико-литературно-философскую». Здесь он дает волю своему сарказму, говоря: «Если употребить сравнение, взятое из физики, то статью об «Аустерлицком Мосте» можно назвать явлением мыслительности *лучистой*, а статью г. Лихонина игрой *свободного* самозмышления» [4: 276]. Все мысли Лихонина подвергаются насмешливой критике. Сделав несколько ироничных, хлестких замечаний по поводу статьи Лихонина, Белинский заключает: «Мы взяли говорить не о чьих-либо статьях, а вообще о проявлении признаков мыслительности и жизни в «Московском Наблюдателе». Нам кажется, что мы выполнили свое дело как должно, со всем беспристрастием. Дальнейшие наблюдения над этими гальваническими сотрясениями «Наблюдателя» мы рады сообщать публике, если они будут проявляться в новых, любопытных формах. К сожалению, отличительный характер всего «светского» есть какое-то однообразие и с тем вместе скорая от всего отходчивость. Мы боимся, чтобы «Наблюдатель» не истощил всех сил этим необыкновенным напряжением, и не погрузился-бы в летаргию, глубже и непробуднее прежней» [4: 277].

Пример этой полемической перебранки дает представление о том, насколько напряженными и подчас неприязненными были отношения между периодическими изданиями того времени. Самые ничтожные поводы – оговорки, некорректные выражения становились толчком к серьезным словесным баталиям. Повод спора порой был даже не столь уж важен. Главным было то, что в критических поединках оппозиционных по отношению друг к другу журналов со всей очевидностью

выявлялись их принципиальные расхождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. В.П. Андросов (1803-1841) – ученый статистик и экономист, видный деятель Московского общества сельского хозяйства, крупнейшего агрономического центра первой половины XIX века. Пост редактора «Московского наблюдателя» Андросов совмещал с должностью секретаря Общества улучшенного овцеводства и одновременно являлся редактором журнала для овцеводов». Воспитанный в традициях немецкой идеалистической философии, Андросов в 1820-е годы был близок к кружку Любомудров, сотрудничал в «Московском вестнике» и «Атенее», писал стихотворения и повести.
2. «Телескоп», 1836 год, XXXII, №№ 5-8, с. 120 - 154, 217-287. Далее в тексте указываются только страницы цитируемой статьи.
3. «Московский Наблюдатель», 1836 года, часть седьмая (май-июнь), С. 305-313. Далее в тексте указываются только страницы.
4. «Молва», 1836, № 10, С. 269-277. Далее в тексте указываются только страницы.

G. Ramazanova

IS THE CAST IRON ON THE AUSTERLITZ BRIDGE SONOROUS? (FROM THE CONTROVERSY HISTORY OF “MOSKOVSKY NABLYUDATEL”)

Abstract: The paper deals with a 19th century journal that was the hardly investigated. It is known to have been in active correspondence with the leading periodicals of that time. V. Belinskiy was one of the main opponents of the “Moskovsky Nablyudatel” (Moscow Observer). One little known article of his, called “Rumor” is a bright example of controversy illustrating his principle differences over the journal’s standpoint.

Key words: magazine, controversy, editor, critics.

УДК 82(091)

Рамазанова Г.Г.

ДУХОВНЫЕ ОЧЕРКИ Ф. ГЛИНКИ В «МОСКОВСКОМ НАБЛЮДАТЕЛЕ»*

Аннотация: В статье говорится об уникальных духовных очерках Ф. Глинки, опубликованных в журнале «Московский Наблюдатель». Писатель рассказывает о трагических судьбах бедняков, стараясь вызвать сострадание к «маленькому человеку»

у благополучных людей. Проповедь добра и христианского милосердия – главная цель очерков, пронизанных лиризмом. В очерках видны художественные приемы нарождавшейся в то время «натуральной школы».

Ключевые слова: журнал, духовные очерки, добро, христианское милосердие.

* © Рамазанова Г.Г.